

Много-много времени спустя, когда главнокомандующий Цзян мысленно анализировал «три стадии» своего возлюбленного, он сокрушался: оригинал и два базовых тела все-таки имели некоторые тонкие различия.

Это было вполне естественно. Даже один и тот же человек, помещенный в разные условия внешней среды, развивался в разных направлениях. Как говорилось в пословице: «Мандарин, выросший к югу от реки Хуайхэ — это мандарин, а выросший к северу — мелкий горький плод». В этом и заключалась суть.

Например, Лайан на любой из трех стадий в абсолютно такой же ситуации непременно разбил бы окно учебного корпуса ради него.

Однако после этого... первое базовое тело было самым чистым и добрым — всё-таки Империя вырастила из него своего сияющего, всеми любимого маленького принца. Он бы добровольно оплатил ущерб военной академии из собственного кармана, приложив объяснения и извинения.

Если бы на его месте оказался второй клон, особенно Касия в начальный период, когда он сильно бунтовал против Империи, тот, вероятно, с холодной усмешкой махнул бы рукой и проигнорировал ситуацию, заставив императорскую семью или любого другого бедолагу оплачивать расходы. И дело было не в скупости, ему просто нравилось предаваться подобным праздным злым развлечениям.

Что же касается оригинала, императора Кайюса, то он наверняка заявил бы сурово и властно: «То, что ситуация дошла до такого состояния — целиком и полностью вина военной академии. Кто виноват, что экстренные меры в вашем учебном корпусе оказались недостаточными?»

На следующий же день Его Величество приказал бы военной академии исправиться, а также потребовал бы от нее компенсировать медицинские расходы Цзян Цзяньмину и ущерб за свои собственные моральные потрясения. Последняя фраза была шуткой, но ради того, чтобы развеселить главнокомандующего, такое вполне могло произойти.

Конечно, в то время два базовых тела номер один ещё ничего не знали ни о своём прошлом, ни о будущем.

Цзян Цзяньмину поставили капельницу. Как только его устроили на больничной койке, он быстро уснул. Одна половина его худощавого лица утопала в белоснежной подушке, а другая была скрыта растрепавшимися черными волосами. Дышал он поверхностно, выглядел спокойно и хрупко.

Лайан сторожил у кровати. Он аккуратно держал Цзян Цзяньмина за руку, в которую не была вставлена игла, и отрешенно смотрел на капли лекарства, падающие в прозрачном флаконе капельницы.

Только в этот момент к нему пришел запоздалый страх.

Лайан расспросил медицинский персонал и лишь тогда узнал, что сегодня в третьем районе произошла крупная цепная автокатастрофа. Телефоны экстренных служб буквально разрывались, а свободных машин скорой помощи на все вызовы временно не хватало.

К счастью, Цзян Цзяньмин набрал его номер.

Но если бы тогда он отклонил тот вызов... набрал бы Цзян его во второй раз?

Даже если бы он ответил на звонок, но успел первым сказать: «Я сейчас занят»? Стал бы Цзян настаивать и просить его о помощи?

Если бы тот не стал этого делать, что бы тогда предпринял Цзян Цзяньмин? Что бы он вообще смог сделать?

— ... — Лайан глубоко вздохнул и, нахмурившись, запустил пальцы в свои распущенные кудрявые волосы.

В груди у него защемило от ноющей боли. С тех пор как он встретил Цзян Цзяньмина, в этом месте часто болело.

В это время заходящее солнце опустилось на запад, предвечерний свет сначала заструился по больничной палате подобно водным волнам, а затем медленно напозла ночная тьма.

Рядом внезапно раздался тихий шорох. Лайан поднял голову и встретился взглядом с парой затуманенных черных глаз.

Цзян Цзяньмин проснулся. Он закутался в одеяло и слегка улыбнулся Лайану.

— Спасибо, что помогли мне, Ваше Высочество, — тихо произнес он. — Я ведь не отвлек вас?.. В тот момент вокруг меня никого не было...

Голос Цзяна звучал еще слабее и хриплее, чем обычно. Сердцебиение Лайана ускорилось, и он поспешно ответил:

— Нет, я был совершенно свободен.

Коммуникатор на руке в этот момент зазвонил, но Лайан стремительно отключил его.

Улыбка сошла с лица Цзян Цзяньмина:

— ...Совершенно свободны?

— Не думай об этом. Врач сказал, что ты переутомился.

Лайан резко переменял тему разговора. Он протянул руку и проверил температуру Цзян Цзяньмина — лоб все еще оставался немного горячим.

— Что произошло?

Цзян Цзяньмин ответил:

— После окончания каникул будут экзамены.

Лайан спросил:

— И ради этого стоило учиться до такой степени, чтобы свалиться от болезни?

Цзян Цзяньмин промолчал. На самом деле он с самого детства слабо реагировал на небольшую

лихорадку, и в те несколько раз, когда он осознавал неладное, ситуация уже становилась серьезной. Очевидно, это была довольно странная особенность организма.

Лайан увидел, что тот замолчал, и решил, что парень признал свою неправоту. Только он собрался заговорить, как его коммуникатор зазвонил во второй раз.

Цзян Цзяньмин спросил:

— Я ведь отвлек вас от какого-то важного дела?

Лайан сухо отрезал:

— Нет.

Он снова собирался отключить коммуникатор, но Цзян Цзяньмин взволнованно произнес:

— Не надо...

Этот человек умудрился забыть, что ему все еще делали вливание, и на подсознательном уровне попытался приподняться, чтобы схватить принца за руку. К счастью, Лайан среагировал мгновенно: он рванулся вперед и одним движением удержал его:

— Цзян!!

В результате из-за инерции верхняя часть тела курсанта потеряла равновесие и наклонилась в сторону.

В следующую секунду бледный лоб мягко ткнулся в грудь наследного принца.

В то же мгновение и Цзян Цзяньмин, и Лайан одновременно оцепенели.

Ди-ди...

Коммуникатор продолжал непрерывно звенеть.

— ...

Лайан лишился дара речи. Он полуобнимал дефектного человека за тонкую талию, и от сильного напряжения у него на ладонях выступил холодный пот.

Цзян Цзяньмин тоже замер. Словно обжегшись, он поднял голову и в панике произнес:

— Ва... Ваше Высочество, я... простите.

Они находились слишком близко, и его носа коснулся исходивший от воротника Лайана тонкий аромат роз. Так вкусно пахнет. Он знал, что в Белом нефритовом дворце повсюду цвели золотые розы, но у него никогда не было возможности увидеть их своими глазами.

Но почему принц до сих пор не отпускал руки?

Цзян Цзяньмин окончательно запутался и растерянно подумал: «До каких пор он собирается меня обнимать? И вообще, с какой стати он меня обнимает?»

Звук коммуникатора уже прекратился. Лайан пристально смотрел на него сверху вниз тем

взглядом, который напоминал бурлящую магму или разбушевавшиеся морские волны.

Грудь наследного принца бурно вздымалась. Казалось, какие-то слова готовы были сорваться с его губ, но их силой сдержали на кончике языка.

Цзян Цзяньмин не знал, что сказать. Он считал, что не совершил никакой ошибки. По крайней мере, он не разбивал вдребезги стекла, не намеренно игнорировал вызов и не удерживал в объятиях другого человека, отказываясь отпустить.

Однако такое поведение Лайана заставило его ни с того ни с сего почувствовать какую-то вину, словно он обидел этого человека.

Но ведь он совершенно точно...

Тук-тук-тук!

Внезапно в дверь палаты постучали. Медсестра толкнула дверь и вошла:

— Здравствуйте, плановый обход палаты 412...

В одно мгновение два юноши с максимальной скоростью отпрянули друг от друга. Сумеречный свет после захода солнца очень кстати скрыл легкое покраснение на кончиках их ушей, и медсестра не заметила ничего необычного.

Лайан поднялся и отошел от кровати. Он поджал губы и бросил взгляд на Цзян Цзяньмина. В этом взгляде промелькнули трудновыразимые эмоции.

От этого взгляда тело Цзян Цзяньмина на секунду словно пронзило оцепенением. Поддавшись какому-то непонятному порыву, он вдруг подался вперед и заговорил:

— Ва... Ваше Высочество, вы сегодня вечером...

Стоило словам сорваться с губ, как он сразу же пожалел об этом. Однако Лайан резко повернул к нему голову, и его глаза вспыхнули ярким огнем.

— ... — Цзян Цзяньмин мысленно выругался и горько пожалел о содеянном, готовый отвесить себе пощечину, но ему оставалось лишь перебороть себя и закончить фразу: — То... тоже совершенно свободны?

...

Ответ не требовал лишних слов.

Цзян Цзяньмину пришлось долго и убедительно уговаривать Лайана, прежде чем тот соизволил ответить на недавний вызов и дать объяснения.

Лайан справился с этой задачей менее чем за тридцать секунд.

Он облокотился на изголовье кровати Цзян Цзяньмина и сообщил собеседнику, что его друг заболел, поэтому сегодня ночью он останется ухаживать за ним.

Степень сожаления Цзян Цзяньмина уже достигла своего пика. Ему оставалось лишь лежать на кровати с отрешенным взглядом, пока жар на его лице еще не до конца спал.

Теперь он отчетливо понял: общаясь с этим наследным принцем, было совершенно невозможно тщательно и осторожно обдумывать все детали, а затем медленно открывать свое сердце, подобно пугливой раковине моллюска, приоткрывающей створки.

Потому что стоило ему хотя бы немного продемонстрировать «этот намек», как Лайан мгновенно примчался бы — просунул бы лапу в эту щель и раскрыл его панцирь.

А распахнув, еще и невинно потерялся бы и покапризничал рядом с обнажившейся жемчужиной, что заставило бы Цзян Цзяньмина так размякнуть сердцем, что он даже не смог бы разозлиться.

— ...

Цзян Цзяньмин уставился на флакон капельницы, в котором осталось совсем немного лекарства, и подумал: «Этот маленький принц ведет себя так с любым другом или только с ним одним?»

Он еще ни разу не видел, чтобы рядом с Лайаном появлялся кто-то, похожий на друга, поэтому субъективно полагал, что его собственный уровень, вероятно, был недостаточно высок, чтобы познакомиться с друзьями Лайана.

— Вот видишь, я уже уладил свои дела, все очень просто. Сегодня ночью я все время буду здесь.

Лайан завершил разговор по коммуникатору, подошел ближе и спросил его с почти услужливым видом:

— Ты голоден? Что хочешь на ужин? Я схожу и куплю чуть позже.

Цзян Цзяньмин молча смотрел на него.

Затем внезапно произнес:

— Я знаю, что на самом деле Ваше Высочество очень заняты.

Лайан как раз собирался пододвинуть табурет, чтобы сесть, но при этих словах кончики его пальцев дрогнули.

Он подумал, что Цзян Цзяньмин передумал и собирается прогнать его, но услышал, как тот тихо сказал:

— Если мы будем вместе, есть ли что-то... в чем я мог бы помочь вам?

Лайан во второй раз резко поднял голову и в изумлении воззрился на Цзян Цзяньмина. Кудри от этого движения взметнулись на его плечах, как растрепанные брызги волн.

— Я имею в виду, — черноволосый курсант поджал губы, и его голос прозвучал очень тихо, — что таким образом это тоже будет считаться восполнением упущенного времени... верно?

Он впился пальцами в ладонь. Его взгляд намеренно избегал Лайана и был устремлен на ночной пейзаж за окном, но интонация, с которой он говорил, казалась еще нежнее ночного неба.

— Упущенного? — Лайан, напротив, нахмурился. — Опять ты говоришь такие вещи.

— В будние дни я, возможно, не очень свободен, но ты можешь стоять на первом месте в списке приоритетов. Днем я примчался, чтобы помочь тебе, потому что ты гораздо важнее вопросов заседания. Что же касается того, что я желаю остаться сегодня ночью, то это тоже потому, что я хочу находиться рядом с тобой.

— Это я хочу, — упрямо повторил Лайан. — Цзян, это я так хочу, я сам.

Договорив, он сделал паузу и снова спросил:

— А ты? Цзян, ты хотел, чтобы я остался, потому что действительно этого хотел? Или просто хотел меня порадовать?

Цзян Цзяньмин поднял глаза. Он, похоже, не ожидал от Лайана такого вопроса. Но его глаза по-прежнему оставались мягкими и спокойными:

— Второе. Но и потому, что я сам хочу сделать тебя счастливым.

Он протянул руку, ухватился за рукав Лайана и произнес:

— На ужин хочется чего-нибудь сладкого и теплого. Дайте подумать... танъюань подойдут?

<http://bllate.org/book/18346/2132267>